

Яблоня выросла прямо у дома,
просто сама по себе.
Сразу я этого даже не понял.
Мало ль росточков в земле?

Только однажды листва поредела,
чудо сквозь ветки явив,
из голубого с вкраплением белого
яблоки звали: «Сорви...»

Дни, словно ходики, тикали споро.
Яблоки зрели мои.
И накануне начала морозов
снова я вспомнил про них.

Нету в природе явлений случайных,
каждому зверю свой плод.
Дружно на яблоне, ветки качая,
птичий резвился народ.

Мне же досталось по две половинки
прежде румяных чудес,
я их сложил по примете старинной
про женихов и невест.

Каждому горю сопутствует счастье;
только о том вспомним мы,
глядя, как райское древо качают
ангелы света и тьмы.

Медали мамы, ордена отца...

Ю.В. Конецкий

У маленьких иконок нет лица —
мальцом жестянку тонкую промял;
медали мамы, ордена отца —
как погремушки были для меня.

Быт коммуналки. Тесненькая щель
между кровати спинкой и стеной;
как мало в мире видится вещей,
как много снов.
И главный, самый страшный — папы нет:
он навсегда остался на войне.

Я спрашивал ровесников своих:
есть эта боль в числе страданий их?
И узнавал, что лишь велосипед
некупленный тревожит сладкий сон,
у них служили бабка или дед,
не мать с отцом...

Хотя без стариков какая жизнь?
У них в руках смекалка мира вся.
И к нашей двери шли все этажи:
тачать, лудить, зарезать поросся...
А надо — телевизор починить,
так это проще, чем запрячь коня.
И прерывали счастье только сны:
в которых нет отца и нет меня...

* * *

Снег пористой губкою солнцем напоен,
и в поле дорога, как росчерк пера.
Скворец, на пригреве судьбою доволен,
уже и не ищет другого двора.

Под старой березой есть ветхий курятник,
и пицци в достатке, и гомон с утра;
ничто не помеха скворчихиной тайне
и трем желтоклювым дарам.

Да кто им позволил столь дерзкую вольность:
по-новому старые песни запеть?
Они — не виновны, они — поневоле
от счастья куражат. Ну как тут не сметь?

Мы вывезем к пахоте лежкое сено,
иные заботы минувшей зимы,
что душу терзали и ночью и денно, —
дождями омыть:

живою водою высокого свода
и мертвой водою из Леты-реки...
Да здравствует сердца лихая свобода!
Да здравствуют весен еретики!

* * *

Милая, когда друг другу снимся —
где бываем мы? В каких мирах?
Где вдвоем пытаемся укрыться
мы от тел, притихших до утра?
На постелях?
Может быть, в сердцах?

В звездах ли,
что миг сверкают в бездне
промельком?
Узнать в толпе лица
невозможно...
Помним, как о хлебе,
о телах у жизни на кострах.
Мы у вечности пока незваны гости...
Потому нам вновь домой пора.
Не в обнимку же снесут к погосту.
Да и есть запросит детвора.
Мы вернемся через то окошко,
что влюбленно пялится в рассвет:
ты вздохнешь глубоко в теле брошенном,
я откликнусь эхом сладким вслед.
И прижмутся — руки перевившие —
странники ночные во страстях;
видно, здесь они пока не лишние:
тела два — души две — не разнять...
Рассмеемся, если вспомнить выдастся
про такие странные два сна,
где при жизни души наши видятся...
Днесь и дольше б
не расстаться нам.

* * *

Не осень, не зима...
Подать зиме обнову:
полям — кафтан белен,
лесам — гусар мундир,
узором прихотлив...

Красотка (краше нет),
лишь слово только молвив,
вмиг изменила свет,
желанным сделав мир.

А только-то — зима
в свои права вступила;
так молодуха, дверь
на кухню отворив,
с восторгом помня ночь
и думая о милом,
стремится к пирогу,
и ей терпеть невмочь.

Зима — и слов не счесть...
Они — как снежна крупка:
мелки и суетны
и липнуть не хотят.

Дай больше белизны,
чтоб застонал лед хрупок, —
пусть все блистает так,
что глаз не оторвать.